

В.И. Рассадин

ПРОМЫСЛОВАЯ ЛЕКСИКА В ГОВОРЕ ОКИНСКИХ БУРЯТ

Окинские буряты, обитающие в бассейне р. Оки на территории Бурятской АССР, имеют сложное этническое происхождение¹. Их основными занятиями являлись разведение домашних животных и промысловая охота. При этом сойоты, входящие в этнический состав скинских бурят, еще до недавнего времени² держали домашних северных оленей, которых использовали во время охоты как транспортно-вьючное средство. Охота вместе с рыбной ловлей издавна были существенным подспорьем в хозяйстве окинцев. Не потеряли своего значения эти занятия и сейчас как подсобные в личных хозяйствах животноводов Окинской долины.

О том, что охота и рыболовство занимали все же довольно заметное место в экономике местных жителей и играли существенную роль, свидетельствует представленная в окинском говоре достаточно развитая терминология, связанная с этими промыслами.

Ввиду неизученности окинского говора материалами для данной статьи послужили наши полевые записи окинского говора, сделанные во время диалектологической экспедиции 1977 г. в Окинском районе. Основу производимого здесь анализа составит лексика, отражающая как объекты промысла, так и орудия, приспособления, способы этого промысла.

Охотничья лексика

Рассмотрим сначала некоторые общие термины, относящиеся к охоте. Охота, промысел в окинском говоре носят название агна, которое образовано от глагола агна- 'охотиться (вообще)', имеющего фонетический вариант ангна-. Сам глагол тоже вторичного образования. В его основе лежит лексема ан(г) 'дикое животное, зверь'. От этого же корня происходит и термин ангуушан

А
'охотник'. О древности всех этих слов свидетельствует их широкое бытование в монгольских языках*: лит.-бур., х.-монг. ан(г), калм. ан, ст.-монг. ang 'зверь'; лит.-бур., х.-монг. агна-, калм. аһн-, ст.-монг. angna- 'охотиться'; лит.-бур. агнууша, ангууша, х.-монг. ангууч, калм. аһууч, ст.-монг. anguci(n) 'профессиональный охотник'.

Как и в литературном бурятском языке, в окинском говоре существуют глаголы, обозначающие специализацию в охоте, например: булгашал- 'охотиться на соболей' (< булган 'соболь'), хэрмэшэл- 'охотиться на белок' (< хэрмэн 'белка'), гуреехэшэл- 'охотиться на косуль' (< гуреехэн 'косуля'), худуул- 'охотиться на рябчиков' (< худуу 'рябчик'). Специальные названия имеют и охотничьи собаки: ангууша нохой 'разносторонняя охотничья собака', булгаша нохой 'собака-соболытница', хэрмэшэ нохой 'собака-белчатница'. В других современных монгольских языках аналогий к этим терминам не отмечено, видимо, по той причине, что для калмыков и халха-монголов, живущих издавна в степных зонах, таежная охота не была столь актуальной, как для бурят.

Охотились не только с собакой. Копытных зверей добывали весной и в начале лета на солонцах, которые назывались марса или хужар. На звериных тропах (тоом, том 'тропа крупных зверей', жэм, жим 'тропа мелких зверьков: зайца, соболя, белки и т.п.') ставили различные приспособления, которыми были хаали 'самострел', занга 'ловушка, плашка, пасть', уриха-урьха 'ловчая петля', хабхаан 'капкан'. В говоре представлены и термины, отражающие устройство этих приспособлений: хёбшэ 'сторожевая нить у самострела', ониһон 'спуск, курок самострела', уйөө 'приманка в капкане, ловушке' (ср.: лит.-бур. үеэг id.; в других монгольских языках нет), даруулга 'давящая дополнительная жердь у плашки' (< дара- 'давить сверху'), хэлин 'длинный прут-сторожок у плашки, капкана' (< хэлин 'язык, язычок'), эр-хёбшэ 'составная палочка-сторожок у плашки' (данный термин не имеет параллелей).

* Сравнительный материал по монгольским языкам взят из следующих источников: Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. - М., 1973; Лувсандэндэв А. Монгольско-русский словарь. - М., 1957; Цэвэл Я. Монгол хэлний товч тайлбар толь. - Улаанбаатар, 1966; Дамдинсүрэн Ц., Лувсандэндэв А. Орос-монгол толь. - Улаанбаатар, 1982; Калмыцко-русский словарь. - М., 1977; Русско-калмыцкий словарь. - М., 1964; Ramstedt G.I. Kalmückisches Wörterbuch. - Helsinki, 1935; Lessing F. Mongolian-English Dictionary. - Berkeley and Los Angeles, 1960.

При добыче зверей для их подманивания тоже применялись различные средства, такие, как урам 'дудка-манок на осеннего изюбра' и шёбшүүр 'манок-пищик на кабаргу'.

Были известны, судя по терминам, различные виды охоты: урамда- 'подманивать осенью изюбра во время гона специальной дудкой-манком', шёбшүүрдэ- 'подманивать кабаргу специальным пищиком', марса хахи- 'подкарауливать копытных зверей на солонцах', жэм дээрэ хаали таби- 'ставить самострел на звериной тропке', занга таби- 'ставить плашки', хабхаан таби- 'ставить капканы', урьха уя- 'ставить ловчие петли'.

Кроме того, издавна известен еще один вид охоты - загон, облава, который обозначался словом ургээшэ, а само действие - ургээ- 'охотиться загонном' (< ургээ- 'пугать' < ургэ- 'пугаться, шарахаться'). Стрелки, сидящие в засаде, назывались ургээшэдэ һуугаашад, а загонщики - ургээгээшэд.

Если обратиться к сравнительно-сопоставительному материалу из других монгольских языков, то видно, что почти все эти слова имеют адекватное отражение в основных монгольских языках, что позволяет считать их общемонгольскими, а следовательно одними из древнейших терминов. Так, слова, характеризующие местность во время охоты, имеют следующие параллели в монгольских языках: лит.-бур. хужар 'сода, солончак, солонцы', х.-монг. хужир, ст.-монг. qujir 'сода, солончак', калм. хужр 'солончак, солонцы'; лит.-бур. марса 'искусственные солонцы', тунк. ма-раа(н) 'солонцы', х.-монг. марз, мараа, ст.-монг. marja 'солонцы', калм. марц 'солончак', калм. элют. (по словарю Г.И.Рамстедта, с. 257) marā 'солончак'; лит.-бур. том 'звериная тропа', х.-монг. том, ст.-монг. том 'тропа диких животных (крупных копытных)'; лит.-бур. жэм 'тропка мелких зверьков (пушных)', х.-монг. жим, ст.-монг. Jim, калм. жим 'тропа, тропинка'.

Интерес вызывает окинский термин марса и его соответствия марц, марз и мараа. Г.И. Рамстедт в своем словаре калмыцкого языка (с. 257) возводил калм. marts и элют. marā к глагольной основе para-, не указывая, впрочем, ее значения. Эта же основа, по нашему мнению, прослеживается и в бурятском слове марса, которое, как и калмыцкое марц, восходит к праформе *parača, предлагаемой Рамстедтом для калмыцкого термина. Х.-монг. марз и ст.-монг. marja, восходящие к *paraja, образова-